

Удинский Максим

«Дром» у дороги

Максим Удинский

**«Дром» у дороги.
Будни одной компании**

«Издательские решения»

Удинский М.

«Дром» у дороги. Будни одной компании / М. Удинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830209-1

Придорожный кабак на большой автомагистрали собрал под своей вывеской компанию закадычных друзей. У каждого из них свои тараканы в голове, разные мечты и желания. Но всем им предстоит серьезное испытание из-за большого наследства и странной новенькой девушки с опасными талантами.

ISBN 978-5-44-830209-1

© Удинский М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
О пользе вечерней компании	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**«Дром» у дороги
Будни одной компании
Максим Удинский**

*У каждого есть свои заскоки, если не считать меня и тебя,
Читатель.
Томас Фуллер*

*Смеяться можно над чем угодно, но не когда угодно. Мы шутим
по поводу смертного ложа, но не у смертного ложа. Жизнь серьезна
всегда, но жить всегда серьезно – нельзя.
Гилберт Честертон*

© Максим Удинский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

За свою жизнь я убедился, что всего больше и всего незаметней отнимают время разговоры с друзьями; друзья великие грабители времени...

Петрарка

Городок был совсем небольшим, но страдал от переизбытка питейных заведений и любителей этих самых заведений. Конечно, это не означало, что всё его мужское население протирало стулья в кабаках. Некоторые просто не любили людных компании и предпочитали дом или узкое общество друзей, в котором скромно радовались жизни за бутылочкой.

Городок находился на большом тракте. Восьмирядная дорога нанизывала его на себя беспощадно и безоговорочно, как шампур, принимающий на себя очередную куриную тушку. Тракт вел из Столицы страны к Большой Украине, и жители городка давно кормились от него. Здесь также процветала промышленность местного масштаба: гвоздеклепальни, шкуродерни, колесочинильные мастерские и даже цех по оцинковыванию кастрюль перекупленный одной заморской фирмой. В придачу рядом скромно рылась в земле небольшая шахта.

Но, как известно, главное богатство любого населенного пункта – его жители. Без них город – уже не город, а так, груда камня, стекла, пластика и прочего мусора.

Люди были хорошими: примерные семьянины, приличные домохозяйки, умные и воспитанные (или только воспитанные) дети, счастливые пенсионеры. Все это было там. Но было, конечно, много что еще.

Если после работы вы хотели немного расслабиться то шли в один из кабаков, если хотели немного других развлечений – шли к дому, где красовалась вывеска «Мебель для спален. Под заказ». Там вы покупали не диваны или кровати. А могли купить возможность покувыркаться с особами женского пола на хороших кроватях. Для особо ленивых, безденежных или тупых был и третий банальный вариант расслабиться – телевизор. Но таких, среди населения городка было на удивление мало. То ли жители имели иммунитет от нахального вируса масс-медиа, то ли интернет наконец-то победил телевидение, в общем, точной причины никто не знал.

Общение с себе подобными – вот что здесь ценили в первую очередь (после денег конечно), и чем больше вы завели друзей и приятелей, тем лучше. Всякое могло случиться, попади вы в переplet. У вас будет больше шансов из него выбраться при большом количестве друзей, знакомых и корешей.

Самые разные компании собирали самых разных людей, не только по роду занятий, но и по возрасту. Двадцатилетний мог засиживаться с мужиками за сорок, а пятидесятилетний мог затесаться в компанию молодых шахтеров. Иногда коллективы не сходились во мнениях по животрепещущим вопросам (конечно же в теме политики), и тогда приходилось искать консенсус. Чаще вместо него находили что-то тяжелое, а теряли один-два зуба и хорошее настроение.

Существовало одно неписанное, но общепринятое правило – никаких выяснений отношений в общественных помещениях (т.е. кабаках), приходилось идти на улицу в тихое местечко. Существовало даже почти «священное» место для таких целей – старый железнодорожный склад с давно выбитыми стеклами. Практически все местные конфликты дисциплинировано решались рядом с ним или внутри. Приезжих, оказывавшихся в городке по пути в Столицу или Большую Украину, удивляли такие местные нравы, жители же только укладкой посмеивались над такими путешественниками и скромно осознавали свою маленькую исключительность.

Одним из самых уважаемых людей в городке был Мэр, молочно седой старик и зимой и летом носивший бурую кепку и очки в толстой, давно устаревшей оправе. Ему стукнуло девяносто лет, но выглядел он и двигался будто был младше лет на двадцать. Старик пацаном участвовал в последней великой войне, работал на эпических государственных стройках прошлого века, имел кучу наград от давно не существующих правительств и когда-то действительно был мэром этого городка. Мало кто вообще помнил как его настоящее имя. В уважительной форме к нему обращались – Теодорович. Так как жены у него не было (развелся с ней еще четверть века назад), дети, внуки и правнуки в основном далеко и заняты своими заботами, то большую часть своего времени он проводил в кабаке, или точнее – корчме под невзрачным и банальным, для продвинутого посетителя, названием «Прибрежная» (она стояла на берегу реки в скромной роще ив), которой владел и управлял его младший сын.

Немногие, оставшиеся в живых после эпохи дикого капитализма, городские «бандючки», которым повезло выжить, но не повезло выбраться в более пристойные для бизнеса места, иногда составляли компанию Мэру. Спрашивали у него совета по тем или иным делам в городе, старик был добр и имел слабость наставлять время от времени молодое поколение (тех, кто был младше его хоть на три десятка лет). Как он относился к таким ходокам? Да вполне нормально. «Тоже люди, ведь» – говорил он, пожимая плечами и продолжая неспешно помешивать в тарелке утренний суп с макаронами.

Один приезжий, видя, как сомнительные личности ходят к Мэру как на приём, в шутку нарек его Доном Карлеоне. Мэр не понял юмора, так как фильма не видел, книгу не читал и только пожал плечами. Имя нарицательное – Теодорович Карлеоне – прижилось только среди молодежи. Разочаровывало только одно – Мэр не был плотным и не носил тонких усов как знаменитый экранный мафиози.

Правнук Мэра, двадцатипятилетний молодой человек, высокий как его дед, приходил к нему каждое воскресенье, чтобы выпить с дедом наливки и потолковать о том и сём. Хмурый и задумчивый, с резкими и не слишком красивыми чертами лица, правнук тяготился этой семейной обязанностью. Работал он в одной транзитной конторе, перегонявшей фуры и железнодорожные составы из Большой Окраины в Столицу. Там иногда приходилось приворовывать по-маленькому. Почему **приходилось**? Он не любил это делать, стыдился от природы, но опять таки – обязанность. Это тяготило. Звали его Валентином, сокращенно друзья называли его Вэ. В общем и целом его жизнь можно было охарактеризовать двумя словами – ОБЯЗАННОСТЬ и еще раз ОБЯЗАННОСТЬ. Кроме двух вышеобозначенных у Валентина была еще одна забота – молодая супруга, считавшая мужа крайним ничтожеством. Валентин понял, на что нарвался только после трех месяцев супружеской жизни. Сейчас шел двенадцатый. Развестись он не мог, пока не исполнится два года их браку, на этом настаивал прадедуля. Почему? «Проживи с ней два года хотя бы. Что люди скажут о МОЕМ правнуке, если он развелся, едва встав со свадебной кровати».

Напрасно Валентин робко пытался доказать архаичность подобных взглядов прадеду. Его собственный отец (старший внук Мэра) живя за границей, позвонил ему и настойчиво порекомендовал прислушаться к совету старика.

Для городка, правнук такого уважаемого человека, оставался фактически паршивой овцой. Валентин, конечно, это понимал. Но каких то усилий, чтобы исправить положение, он не предпринимал.

У него была своеобразная компания. Такой себе кружок не слишком нормальных, чудачков и просто молодых людей, не вписывающихся в ритм и привычки этого городка. Они собирались в своем кабаке, который был обустроен в старой трехэтажке на два подъезда, прилепившейся к магистрали Столица – Большая Окраина.

Трехэтажка оказалась нежилой после неудачной плановой проверки газовой системы и ее поначалу хотели снести. Здание перекупил один шустрый но недалёковидный предпринима-

тель, а потом испугался такой большой для себя недвижимости и сдал верхние этажи эмигрантам из далеких азиатских республик. Первый этаж получила в аренду Столомахина, самый активный в городке держатель шинков и магазинчиков. Ее любимый племянник – Леонид (для тетушки, друзей, знакомых и всех в городке – Лёнчик), правая рука тети в расширении сети обслуживания, взялся за оформление кабака с энтузиазмом. Сломали некоторые межквартирные перегородки, вынесли ванны, пристроили фасад и готово. Сказать, что в этом заведении было что-то из ряда вон выходящее нельзя. Но Лёнчик гордился своей работой, добавил автостоянку на десяток машин, для проезжающих и своих. Долго мучался с названием для своего творения. Здесь ему помог друг, уже известный нам Валентин. Он достал толковый словарь иностранных слов Крысина (Лёнчик просил нечто позаковыристее), развернул его на первой попавшейся странице и ткнул не глядя. Попалось греческое слово «ДРОМ», оно то и появилось на вывеске кабака. Лёнчик поинтересовался, что оно означает, оказалось – «место для бега». «Ничего, – икнул Лёнчик. – Как раз то, шо нужно».

Заведение поначалу забавляло горожан, кто-то предлагал Лёнчику вставить букву «А» после «Д», чтобы от клиентов отбоя не было и прибавляли: «А приведешь туда девок из «Мебели...», так тебе у нас памятник поставят, как самому успешному предпринимателю».

Лёнчик поначалу скромно улыбался, потом начал посылать куда нужно. Тетушка настаивала на смене вывески, но упорности в начатых делах ему было не занимать. Вывеска осталась, Лёнчик ударно начал совершенствовать интерьер заведения. Занял у тетушки крупную сумму и добавил свои сбережения. Вызвал дизайнеров из Большой Окраины. И все для того, чтобы сделать из своего кабака конфетку. Когда Валентин спросил у него, в чем причина таких перестроек, оказалось, что это назло всем жителям городка. Он заболел идеей создать самое лучшее придорожное кафе (а конкурентов у него было предостаточно), чтобы как он сказал «все удавились, козлы, от зависти».

Азиатских иммигрантов, как тараканов, оттеснили на верхний этаж, арендовав второй. Расширили фасад. Чтобы платить рабочим Лёнчик даже взял займы у местного «бандючка» Югрэма, вместе с рабочими красил стены, спал в «Дроме», свою квартиру сдавал иммигрантам, но кавказским.

Вскоре азиаты с третьего этажа куда-то исчезли, от них остался только некий Ван Ди, которого Лёнчик нанял дворником. Объяснялись они друг с другом на варварской смеси жестов, отдельных слов и ругательств. Причем Ван Ди прекрасно разбирался в наших ругательствах, но не понимал простых слов.

Лёнчик сделал все так, как планировал. «Дром» засиял во всей красе неоновой огромной вывеской, тремя залами: пивным, обычным и специальным. Магистраль украсилась рекламным щитом таких размеров, коких в округе никогда не было. Лёнчик переживал свой триумф над обывателями и мещанами города, что недавно насмехались над его энтузиазмом.

Но потом пришла пора расплачиваться по счетам. Лёнчик продал свою квартиру, отдал часть долга Югрэму, а вторую обязался выплачивать из прибылей «Дрома». Любезный Югрэм за такую честь великодушно согласился взять под свое крыло молодое заведение. Лёнчик теперь все время жил в своем кафе. Тетушка, потерявшая терпение от причуд племянника рассорилась с ним, потребовала вернуть занятые деньги в кратчайший срок.

Но, несмотря на все горести, Лёнчик был счастлив, он достиг своей цели. И пусть заведение часто наполовину пустовало, пусть местные жители активно бойкотировали «Дром», пусть на улице ему в спину бросали «чокнутый». Лёнчик терпел.

Постоянными посетителями у него была в основном молодежь, да и то довольно немногочисленная (не более двух десятков человек). Среди них был и Валентин. Благо контора, в которой тот просиживал свои лучшие годы, находилась рядом.

Приют в «Дроме» нашел местный неформал Игнат Паляницын (во всяком случае, он себя таким считал), побродяжничавший по рок-фестивалям, носивший стянутые в хвост длинные

волосы и псевдобайкерскую куртку. Бледностью он был похож на наркомана со стажем, но сам признавался, что только курил и пил, но никогда не колол себе ничего. Длинный нос Паляницына все время шмыгал от запущенного насморка.

Другим постоянным клиентом Лёнчика был Сашка, одноклассник Валентина, работавший сварщиком в железнодорожных мастерских. Как он здесь оказался? Однажды вечером осенью зашел погреться, разговорился с Лёнчиком и оказалось, что у них была одна общая страсть... и тот и другой все свободное время уделяли склеиванию моделей парусников. Сашка не любил компанию своих коллег-сварщиков, просто не зная о чем с ними можно поговорить, за это и за его маниакальное увлечение парусниками его и зачислили в почётный корпус городских чудаков.

Сашка был скромным малым, и, несмотря на свой возраст, застенчивым в отношениях с женщинами. Коренастый, светловолосый, с глазами прикрытыми тяжелыми веками.

Еще одним представителем этого сборища был Стаханов, грубоватый, резкий, нахальный, но эффектный парень. Ростом выше всех в этой компании, Стаханов отличался при застольях своей коронной фразой «с академиком поспоришь, а со мной выпей». Очень правильные черты лица и крепкая фигура привлекали к нему многих девушек, и он любил показать им, на что он способен. Собственно за это он и получил прозвище – Стаханов, сколько-то там норм за одну ночь. Некоторые девушки, однажды пережив такой ураган, преследовали Стаханова долгое время, пока он не раздражался и доходчиво объяснял, кто она такая и куда ей следует немедленно направиться.

В шахте он когда-то немного проработал но, вылезши на поверхность после особо тяжелой смены, чуть не закончившейся взрывом метана, зарекся туда ни ногой больше. Жил он с матерью, грозной женщиной, требовавшей от сына остепениться.

Сейчас Стаханов нигде постоянно не работал. Летом ездил сезонным рабочим на южные курорты, где не забывал побывать на пляже в компании столичных загорелых красоток. Все остальное время он просиживал в кабаках, играл в футбол в городской команде, а в случае депрессии читал книги по восточной философии. Не брезговал он и хорошей спортивной дракой. Однажды Валентину он сказал:

– Не понимаю, почему многие люди так боятся драки? Наоборот, круче этого может быть только секс.

Валентин тогда только хмыкнул, приняв слова друга за шутку, но позже понял, что говорил тот искренне. Жизнерадостность Стаханова была заразной, поэтому для обозначенной компании он был неким стержнем, скреплявшим таких разных людей в одном кабаке.

Его путь в «Дром» оказался довольно оригинальным. Однажды ночью, подвыпившим он наткнулся на бродившего без сна Лёнчика, мрачного и озабоченного проблемами, где достать денег на выплату долга. Кто-то из них посмотрел на другого косо, и завязалась маленькая потасовка. Ленчик не дал себя в обиду и не оробел перед грозным Стахановым. В общем оба, остудившись, держась за разбитые носы, зашли в перестраивающийся кабак и загладили инцидент хорошей водкой.

Таким было ядро компании Валентина. Его отдушина.

После очередного обязательного посещения прадеда Валентин направился в «Дром». Поднявшись по ступеням, он оказался в главном зале заведения. Чтобы его создать пришлось снести перегородки нескольких квартир, остатки стен замаскировали украшениями, нацепили на них полки со всякой мелочью.

В одном из углов Лёнчик оборудовал свой «наблюдательный пункт» – столик, за которым он сидел и смотрел телевизор, закрепленный на стене. Над местом Лёнчика на полке красовалась модель барка «Крузенштерн», которую он кропотливо собирал полгода. По углам заведения он понаставил свою гордость – лучшие модели, собранные им за все годы увлечения.

Его гордостью был испанский белоснежный фрегат девятнадцатого века «Хуан Себастьян де Алькано».

– Ленчик, ты хоть бы мух вытравил. Развел тут стада, – вместо приветствия сказал Валентин.

– Нет, пусть поживут – приезжих сегодня нет, а вы потерпите. То же ведь живые твари.

– Ты это о мухах или о нас? – прищурился Валентин.

– А ты как думаешь? – Лёнчик раздавил сигаретный бычок в пепельнице.

– Ладно, проехали. – Валентин огляделся в поисках Настасьи. – А где твоя официантка? Уволил что-ли?

– Заболела, дома сидит. А Верка заменить не может, у нее кто-то там умер. Садись здесь, я для тебя побуду сегодня официанткой.

– Да иди ты. Мало того, что страшный, так еще и обсчитаешь, еврейская морда.

– Какой я тебе еврей? – обиделся Лёнчик (он всегда обижался на такие колкости Валентина). – Я немецкой крови.

– Понятно, немецкий еврей, – закивал Валентин.

Ленчик скрылся за стойкой бара, зазвенел стаканами и прочим стеклом.

– Как обычно? – донесся его голос.

– Нет, мне сегодня нужно еще бумажки дописать, воды дай.

– Понятно, крыса канцелярская, – закивал Ленчик, передразнивая Валентина.

Валентин обратил внимание на включенный телевизор. Вышколенная дикторша, Марина Пригожкина, известная всей стране по одному недавнему скандалу, читала сводку новостей.

Красивая баба, подумал Валентин. На мою похожа, только моя – дрянь.

Он вспомнил, как впервые встретил свою супругу, как слепо влюбился в нее, упорно не замечал ее явнейшие недостатки, как через пять месяцев предложил ей выйти за него, наивно мечтал о детях, и тут такой облом. Для него открывшаяся реальность была крушением Вселенной. Запоя тогда чудом удалось избежать.

– ...шестьдесят человек признано некомпетентными. И переходим к родным новостям. – Пригожкина очень изящно и естественно передвинула лист на своем столе (чисто символический, весь текст выводился на стекло перед объективом камеры). – Президент нашей державы завтра посетит Большую окраину. В связи с известным пристрастием к древностям и поломкой личного самолета, автоэскорт президента сначала направится к Серебряному кургану, где археологи представят ему недавно открытые сокровища ранней срубной культуры...

– Вот жопа с ручками, – в сердцах воскликнул вернувшийся Лёнчик, махнув на экран. В как кадре как раз был президент, одетый в пальто он спускался по ступеням своей резиденции и сверкал фарфоровой улыбкой. – В стране бомжей скоро будет больше, чем нормальных людей, а что он делает сейчас?

– Э, стаканчики то поставь, – попросил Валентин. Ленчик так размахивал руками, что стаканы грозились вылить все свое содержимое на Валентина.

– Увидел бы его, сказал все, что думаю о нем. – Лёнчик звонко поставил два стакана на столик.

– У тебя как раз может появиться такой шанс. Дорога Столица – Окраина – вот она. Вдруг президенту в дороге захочется пожрать, а тут твой бигборд на всю трассу. Подрулят сюда черные машины, выберется наша надежда и опора, сядет за лучший столик, охрану по углам распытает, и тут ты с меню под мышкой. О! Вот это я понимаю – шанс.

– Да иди ты, Вэ. В гробу я его видел, в белых кроссовках. Дерьмократия, твою дивизию. Я даже на выборы не ходил!

– Я переключу, – Валентин решил сменить тему разговора.

Выбор программ он остановил на нейтральном – в мире животных. Показывали жизнь гиен и шакалов. Там все было проще: поймал газель – сожрал, наелся – ты силен, покусал соперника – получаешь власть в своей стае, владеешь властью – владеешь самками.

Лёнчик успокоился.

Валентин пригубил минеральную воду и спросил:

– Что там наш сопливый байкер? Правда, что в лотерею выиграл две тысячи?

– Не знаю, – пожал плечами Лёнчик и мотнул головой, отгоняя муху. – Но если он гуляет на них в каком-нибудь другом шинке, я обижусь на него. О, забыл одну вещь тебе рассказать, – вспомнил он. – Вчера один проезжий тип зашёл пожевать и пристал ко мне, хотел моего «Алькано» купить.

– Ну и в чем проблема была? Мало предлагал?

– Да не, нормально. Триста единиц зеленой капусты.

– Ну, так чего «Алькано» еще тут?

– Я сказал, что не продаю. – Что-то изменилось на лице Лёнчика. – Ты в своей жизни что-нибудь руками делал, кроме самолетиков из бумаги? Месяцами сидел над чем-то? Ночами корпел над некой вещью?

– Нет, Лёнчик, знаешь же, что я не любитель этого.

– Вот лучше глотай свою минералку и не рассуждай, почему я не продал своего флагмана. Я в него душу вложил, а ты только о бабках.

Где-то на кухне кто-то зло взвыл, послышался звон, как будто рассыпали по полу несколько тысяч вилок и ложек. Валентин испугано посмотрел на Лёнчика. Тот сделал успокаивающий жест:

– Не волнуйся это Ван Ди колдует. Попросился сегодня на кухню, хочет что-то свое, народное, сварганить. Боюсь – меня попытается угостить.

– Надеюсь, не собаку готовит, – улыбнулся Валентин.

– Не, он же не кореец.

– А кто он?

– А черт его знает. Он мне говорил как-то. Но какая разница.

На экране лев разогнал гиен, намеревавшихся попить антилопой, нагло схватил труп и потащил куда-то, гиены только смотрели в след, высунув языки.

Сволочь, подумал, глядя на экран, Валентин. Им бы накинутся всем скопом, порвали бы льва как тузик тряпку.

Хочешь узнать человека – узнай его друзей.

Японская пословица.

– Козлодой быкадорович! – донесся из дверей недовольный возглас. Это был Стаханов, он, похоже, как всегда, споткнулся о высокий порог.

Валентин и Ленчик повернулись в его сторону. Стаханов, прислонившись к стене, вытирал салфеткой носки новых туфель. Одет он был не так как всегда. Не было его обычного черного потертого свитера и выцветших джинс. На нем сидели недешевые пиджак и брюки, галстук на шее был повязан идеально.

– Лёнчик, или ты отремонтируешь порог или я его тебе выломаю, и вероятнее всего тобой, – проворчал Стаханов, выбрасывая салфетку в ближайшую пепельницу.

– Ты куда так вырядился, друг? – Не обратив внимания на эти слова, спросил Лёнчик. – К очередной бабе?

– Бабы в колхозе были, а тебе неучу сообщаю, что они называются девушками и женщинами. – Стаханов подсел к столику. – Со своим кабаком и лодочками ты забыл уже, что с ними можно делать. Настасью свою осчастливил бы, она давно на тебя глаз положила, а ты, балда, даже ее намеков не слышишь и тем более не видишь.

Лёнчик что-то глухо проворчал и сделал жалкую попытку парировать выпад Стаханова:
– Так ты на мой вопрос будешь отвечать? Куда ты вырядился?

Стаханов хмыкнул и покачал головой, мол, безнадежный случай. Валентин с интересом наблюдал за обоими.

– На кладбище я был, понял. – Ответил Стаханов. – Знаешь, это такое место, куда покойничков с морга привозят, и в землю закапывают, чтобы червячков кормить.

– Тупая шутка, – буркнул Лёнчик.

– Я не шучу.

– А кто умер? – вмешался Валентин.

– Гончар.

– Ого, так здоровый дедуля был, лепил свои горшочки да вазы. Видел, как он последней зимой в проруби купался, – воскликнул Лёнчик.

– А ты как на похоронах оказался? – спросил Валентин.

– Так он дядька мой был, – Стаханов достал из кармана пачку зубочисток, взял одну и стал ее жевать.

– Ты, почему нам никогда не говорил, что Гончар, твой родственник? – удивился Лёнчик.

– А ты спрашивал, – поднял одну бровь Стаханов и откинулся на спинку стула.

– Ну, да, – грустно согласился он.

– Да если честно, я сам не знал этого. Мать мне только вчера рассказала, что он был ее братом. У них какие-то серьезные нелады были, вот она мне никогда о нем не говорила. А тут – бац, сам Гончар – дядя, я вчера от такой новости, честно сказать, оробел.

– Ну, еще бы, – согласился Валентин. – Детей у него нет, домина от Гончара остался здоровый, авось отвалится наследство тебе.

– Держи карман шире, – резко произнес Стаханов. – Найдутся родственники, а я в эту муть лезть не хочу. Ненавижу эти, сам понимаешь какие, склоки. – Зубочистка во рту Стаханова нервно ходила туда-сюда.

Повисла тягостная пауза. Валентин снова покосился на экран телевизора, там теперь шел прогноз погоды на завтра: солнечно, умеренный ветер, без осадков.

В «Мебель...» что-ли сходить, проскочила шальная мысль у Валентина. Ни разу в жизни не был там. Нет, не могу, она поймет, я ведь, честная сволочь, – покраснею как ребенок.

Спустя полчаса в «Дром» появился Сашка, в руках он бережно держал довольно объемный пакет. У Ленчика загорелись глаза при виде этого пакета. Он немедленно принял его из рук и аккуратно понес вверх, бросив Сашке:

– Давай за мной, не швартайся у этих двоих.

– Что, матрос сухопутный, притащил новую модель, похвастаться перед Ленчиком? – весело спросил Валентин.

Сашка, сияя искренней и доверчивой улыбкой, поздоровался со Стахановым и Валентином.

– Слышали, кого сегодня похоронили? – спросил Сашка. По его нетерпеливому виду можно было понять, как он хочет рассказать свежую новость своим друзьям, удивить всех.

– Слышали, – беспощадно разрушил его мечты Стаханов. – Гончар покинул этот мир. Упал с лестницы, когда лез на чердак за каким-то старьем. Достойная смерть.

– А-а, ладно, – помрачнел Сашка. – Я тогда пойду за Лёнчиком. Хорошо?

На этом новые посетители в «Дроме» не закончились. Послышался звук открывающейся двери. Валентин покосился на вошедшего субъекта, это оказалась Ольга Первичина. Он сразу же стукнул под столом ногу Стаханова. Это был знак тревоги.

– Внимание, твоя фанатка здесь, – сказал тихо Валентин.

Стаханов побледнел, но затем быстро отошел. Он продолжал сидеть как прежде (спиной к вошедшей), не обернулся и продолжал, как ни в чем не бывало, листать газету. Первичина прямо таки пожирала Стаханова глазами, закусив нижнюю губу прекрасными зубками.

Она была старшекласницей, заканчивавшей в этом году школу, и считалась самой красивой девушкой в городе. И как следовало ожидать – презирала парней из ровесников что пытались к ней подкатить и боготворила Стаханова. Влюбилась в него еще в пятнадцать лет, но только полгода назад начала показывать ему знаки внимания.

Но было одно большое НО. У Стаханова было железное правило – никаких школьниц. Пусть Ольга была очень развита (ее телу завидовали все девушки городка), пусть ее кожа поражала гладкостью, пусть ее мимолетный взгляд мог вогнать в краску сорокалетних мужиков, пусть ее лицо было эталоном женской красоты, и даже застенчивый Сашка не мог не выразить восхищение ее формами и линией фигуры, но Стаханов НЕ МОГ взять то, что само шло к нему.

Длинные, роскошные светло-русые волосы она не скрепляла, а оставляла на плечах свободным водопадом. Косметики на лице ее вы бы и не заметили – так мало она ею пользовалась. Только губы были немного окрашены мягкой по тону губной помадой, а ресницы подведены с изяществом, на которое не каждая женщина способна. Серо-зеленые глаза могли сбить с толку любого, кто заглядывал в них. Она знала, как нужно одеваться. В отличие от многих своих сверстниц понимала разницу между вкусом и кичливостью, юбка на ней была юбкой, а не просто широким поясом. Никаких излишков украшений, никаких блестящих аксессуаров.

Как много ее сверстников разбила друг другу носов за одну возможность потанцевать с такой девушкой всего один танец на дискотеке (она иногда снисходила до такого). Как много ее сверстниц пыталось вырвать ей волосы – она давала им отпор, и сама рвала их волосы. Неприступная для простых юных плебеев, манящая и просто невозможная в этом городке.

Но только не для Стаханова.

Валентин смотрел на Ольгу и весь ее вид говорил, что нет для нее ничего более желаннее, чем двухметровый, широкий и яркий парень, старший от нее на восемь лет.

«Бедная девочка, – подумал Валентин. – Нашла себе кумира. Больно ей будет, когда Стаханов потеряет терпение и наберется смелости сказать ее то, что должен».

Когда Ольга стала оказывать знаки внимания Стаханову, тот воспринял это как детскую болезнь Ольги. Но когда знаки стали повторяться, и он обнаружил ее в своем подъезде, Стаханов первый раз так серьезно призадумался. Девочка ходила на все игры городской футбольной команды, вопила на всю трибуну от восторга, когда Стаханов забивал гол (а парни вокруг только скрежетали зубами от зависти, зная о ее мании, но никто из них не мог отомстить Стаханову – драка с ним гарантировала больничную койку).

За месяц до дня похорон Гончара Ольга подошла на улице к Стаханову. Мило улыбаясь, и кокетливо наклонив свою великолепную головку, она сказала:

– Привет Стаханов, я слышала у тебя скоро день рожденья. Чтобы ты хотел получить в подарок? Может что-то особенное? Необычное?

Тогда он отшутился, но потом покрылся холодным потом, поняв, в какую переделку он попал.

Девочка бредила им.

Сегодня она была одета в белый толстый свитер и джинсы (май в этом году выдался прохладным). Наконец она оставила созерцание спины Стаханова и двинулась вперед. Валентин постукивал носком ботинка по туфле Стаханова как сонар, все чаще и чаще с приближением объекта. Стаханову это надоело, и он не слишком сильно пнул Валентина. Тому этого хватило. Скривившись, он нагнулся, потереть ушибленное место. В этот момент Ольга подошла к столу вплотную.

– Приветик, Стаханов. Я вот решила зайти сюда, а тут ты. Приятное совпадение. Можно мне присесть рядом? – Не дожидаясь разрешения, она села на стул Лёнчика. – Как у тебя дела?

– Здравствуй, Ольга. – Стаханов постарался изобразить усталое и безразличное лицо.

– Я же говорила, что ты меня можешь называть Олей.

– Привет, Оля. – Валентин попытался ее отвлечь от Стаханова. – Что это за пятнышко у тебя на плече?

– Ага, – безразлично кивнула Ольга. Но потом обратила внимание на вторую часть реплики Валентина. – Где пятнышко? – На ее лице выразилась тревога (как можно в таком неопрятном виде сидеть рядом со своим богом!). – Где?

– Вот тут, выше лопатки, – Валентин указал на место, какое она никак не могла увидеть.

Ольга попыталась рассмотреть плечо белоснежного свитера, затем повернулась к Стаханову:

– Извини меня, пожалуйста, я сейчас, – торопливо стуча короткими каблучками она поспешила в уборную, к зеркалу.

Когда она удалилась, Стаханов вскочил с места и хлопнул Валентина по плечу:

– Молодец, цену твою неуклюжую находчивость. Так, я пойду отсюда пока она не вернулась. Ты остаешься? Скажи ей, что мне позвонили. Срочно нужно к... э...

– В больницу. Твоей маме плохо стало, – подсказал Валентин.

– Да, правильно. Ну, бывай. – Стаханов вылетел из кабака.

«Представляю, какое облегчение он сейчас испытывает, – подумал Валентин. – А Ольга иногда бывает крайне наивной девочкой. Жаль только, со Стахановым я не успел сыграть».

Девушка вернулась, поправляя волосы. Увидев пустое место там, где сидел Стаханов, она с негодованием посмотрела на Валентина, который теперь с умным видом листал газету Стаханова.

– А, ты вернулась, – улыбнулся Ольге Валентин. – А Стаханову пришлось срочно уйти, ему позвонили из больницы, матери плохо.

Ольга поняла, что ее просто одурачили, но виду старалась не подавать.

– Значит вот как, – Ольга подошла к столику. – Ой, Валентин, что это у тебя на щеке? Наверное, от ручки, нужно вымыть. – Валентин не ожидал того, что она схватит недопитый стакан Стаханова. В следующий миг он умылся теплым и отстоявшимся пивом.

– Вот, уже лучше. Пока, мне пора, Валентин. – С победным видом Ольга направилась к выходу.

Валентин ошарашено вытер лицо газетой, отбросил ее и засмеялся.

«Да, мне суждено было умыться в этом кабаке, – подумал он. – И не от рук Лёнчика, а от рук прекрасной девушки. Здорово!»

– Я люблю эту жизнь! – пробормотал Валентин.

О пользе вечерней компании

Не судите человека по его друзьям; не забудьте, что у Иуды друзья были безкоризненны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.